

ДЕРЖАВНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ)

КОТЕЛЬНИКОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: vipsbertmb@mail.ru

КОЛМАКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Администрация г. Рассказово, Тамбовской области,
Российская Федерация, e-mail: post@g31.tambov.gov.ru

Настоящая статья посвящена поиску теоретических основ модели социально-экономической системы, соответствующих требованиям современного этапа модернизации России. В результате исследования была идентифицирована модель экономической безопасности личности в современной России. По своим содержательным характеристикам она может быть определена как квазилиберальная или охлократическая модель, характеризующаяся пирамидальной структурой общества, квазирыночным механизмом социальной мобильности, а также признаками антагонизма между жизненно важными интересами государства и личности, реализация которых определяет субъектность каждого. Данная модель была идентифицирована на основе компаративного анализа с использованием следующих таксономических признаков: 1) политико-экономические детерминанты субъектности личности (этатизм – либерализм), определяемые характером политико-властных отношений в системе «государство–общество–личность»; и 2) социальные детерминанты субъектности личности (собственность, функциональное разделение труда, доходы, социальная мобильность), обуславливающие стратификационную структуру общества (пирамидальная – ромбовидная).

Установлено, что сформировавшаяся к концу 1990-х гг. XX в. современная экономическая стратификация имеет широкое нижнее основание, к которому примыкает тонкий конус обеспеченных слоев населения. Неэффективность и недостаточность рыночных и политических институтов, суженное воспроизводство человеческого капитала в современной России обуславливают низкую социальную мобильность, что выражается в ограничении сфер, где она в принципе может быть реализована. Все это, с одной стороны, отражает весьма ограниченные сегодняшние экономические возможности основной массы населения. Величина относительно состоятельных слоев демонстрирует объективные пределы планов реформирования общества и экономики за счет населения.

Таким образом, идентификация модели позволяет определить направление системного выбора российского общества, связанного с обеспечением интегрированной общественной потребности в безопасности.

Ключевые слова: компаративный анализ, социально-экономическая система, квазилиберальная модель, державность.

С появлением первых государств развитие человеческой цивилизации приобретает многообразные формы и очертания, обусловленные особенностями развития таких социальных институтов, как государство и общество. Вместе с тем, несмотря на огромное многообразие взаимоотношений личности, общества и государства, исторически сложилось две базовых модели гомеостазиса национальной экономики: этатический и либеральный тип.

Безусловно, хронологически первым типом гомеостазиса национального хозяйства был этатический. Его появление обусловлено возникно-

ванием государства как социального института, обеспечивавшего безопасность обществу и отдельному гражданину от внешних угроз, связанных, прежде всего, с опасностями военного нападения. В данном случае этатическая модель предполагает приоритет государственных интересов над частными интересами. Сам термин «этатизм» (от фр. *etat* – государство) используется впервые во Франции лишь в 80-е гг. XIX в., и обозначает господство целого над частным, то есть главенствующую роль государства в политических, духовных и экономических процессах [1]. При этом в этатической модели гомеостазиса национальной

экономики в основе обеспечения экономической безопасности государства лежат принципы идеократии, холизма и эгалитаризма. Так, в соответствии с принципом холизма: «целое больше, чем сумма его частей». Это вызвано тем, что для преодоления несовершенства природы мира и человека приходится формировать определенные социальные институты. Соответственно, не может каждый отдельно взятый человек быть автономным индивидом, действующим независимо от остальных индивидов и системы в целом. Иначе говоря, на цели и средства их достижения оказывают сильное воздействие нормы и поведение других людей и общества в целом [2]. Из утверждения принципа холизма следует, что главным структурным элементом, обеспечивающим стабильность и развитие экономики, является не индивид, а орган управления (государство). Принципу холизма, безусловно, комплементарны принципы идеократии и эгалитаризма. В методологическом плане идеократия отражает проект осуществления государственной власти, в основе которого лежит «идея–правительница». Соответственно, идеократия представляет собой господство идеи в жизни общества, обладающей нормативностью [3].

Таким образом, принцип идеократии утверждает единство интересов власти и интересов народов. Принцип эгалитаризма обосновывает необходимость получения всеми членами общества равных благ и предполагает распределение соразмерно трудовым усилиям. Вместе с тем, следует отметить, что принцип эгалитаризма провозглашается уже более поздними государствами с этатическим типом гомеостазиса национальной экономики (прежде всего, СССР) в противовес государствам с либеральным типом гомеостазиса, появившимся при переходе от феодального к капиталистическому способу производства – к товарному производству, где товаром становится и сам труд, а основу составляет частная собственность. Между тем, следует отметить, что либеральный тип гомеостазиса национальной экономики можно условно разделить на две разновидности: «чистый» либерализм, основывающийся на принципах демократии и индивидуализма и неолиберализм – на принципах демократии и утилитаризма. Первая разновидность либерализма характерна сегодня, например, для таких стран, как США, Канада, Великобритания и др. Вторая разновидность либерализма более присуща значительной части стран Западной Европы – прежде всего, скандинавским странам, Германии, Австрии и др.

Согласно методологическому индивидуализму, индивид является основой и движущей силой экономических процессов. В онтологическом плане индивидуализм полагает, что общество состоит только из людей и их действий, а каких-либо надындивидуальных сущностей или субстанций не существует (т. н. «социальный атомизм»). В этой связи Т. Джефферсон отмечает, что формирование общества на принципах индивидуалистического типа социальности было обусловлено объективно-исторически, в условиях жизни на «... плодородной и нефеодализованной земле... [где] соседями... были полагающиеся на самих себя индивидуалисты, наделявшие себя землей не по милости какого-нибудь лорда или аббата» [4]. Соответственно, принцип индивидуализма предполагает приоритет личностных целей и интересов, свободу индивида от общества.

Безусловно, полноценное действие принципа индивидуализма возможно только в демократическом государстве. Традиционно демократию определяют как определенную форму государства, в которой учредительная роль в установлении власти и осуществлении контроля над ней, реализуемая непосредственно либо через представителей, принадлежит народу. В таком понимании государство интерпретируется как организация «корпоративного единства всего народа», а демократия как высшая форма правового государства, базирующаяся на правах каждого человека на достойные условия жизни и развитие личности. Иначе говоря, демократия в данном контексте, с одной стороны, выступает в качестве формы свободной жизни, с другой стороны – формы государства верховенства права, тем самым сочетая в себе абсолютную свободу личности, свободу выражений мнений и конкуренцию систем организации власти [5].

В последней трети XIX в. на фоне обострения антагонизма между двумя основными классами – капиталистами и рабочими – как противостояния основных либеральных ценностей – свободы и равенства – происходит переход значительной части развитых европейских государств к неолиберальной модели гомеостазиса национальной экономики. Основу неолиберальной модели, в отличие от либеральной модели, составляет принцип утилитаризма, а не индивидуализма. Как категория утилитаризм означает наслаждение и страдание каждого индивида, которое в сумме образует то, что называется счастьем. Данные индивидуальные счастья в масштабах общества с одинаковыми весами снова складываются. Такая общая сумма отождествляется с благосостоянием

общества, которое, соответственно, распадается на индивидуальное ощущение наслаждения или страдания. В этой связи выделяют нормативный принцип утилитаризма – наибольшее счастье наибольшего числа людей [6]. Другими словами, согласно данному принципу, индивидуалистическое начало не может быть абсолютно, оно относительно, так как ограничивается необходимостью поддержания определенного уровня социальной защиты населения и справедливости в обществе. В соответствии с данным принципом предполагается государственное регулирование в области распределительных отношений, что предусматривает активное перераспределение доходов от богатых к бедным посредством прогрессивной системы налогообложения и достаточно высокий уровень социального обеспечения населения через систему страхования и пенсий, социальных дотаций, направленных на поддержание малоимущих слоев населения.

Стоит отметить, что формирование неолиберальной модели гомеостазиса национальной экономики во много происходило под влиянием социальной революции в Российской империи 1918 г. и образования СССР – первой социалистической системы хозяйствования, которая относится к этатической модели гомеостазиса национальной экономики. При этом этатическая модель гомеостазиса национальной экономики СССР является более высокого уровня, по сравнению с существовавшими ранее до нее этатическими моделями гомеостазиса национальной экономики не только Российской империи, но и всех других стран. Это связано с тем, что впервые этатическая модель гомеостазиса национальной экономики СССР опирается на капиталистический способ производства, в основе которого лежала государственная собственность. Данная модель представляет собой такое общественное устройство, в котором подлежит ликвидации не только частная собственность, но и конкурентный рынок, и рыночное ценообразование, господствует государственная собственность, прямое государственное регулирование в сферах производства и распределения товаров и услуг. В данном случае альтернативой рынку и конкуренции выступает централизованное планирование и социалистическое соревнование. Угрозы со стороны остального мира – иностранная интервенция и период гражданской войны, политическая и экономическая изоляция Советского Союза в условиях угрозы новой войны, Великая Отечественная война, «холодная война» в послевоенный период – придавали советской экономике мобилизационный характер, вызывавший необхо-

димость усиления централизации и планового начала в управлении экономикой, ужесточения политической системы.

Еще одно принципиальное отличие этатической модели гомеостазиса национальной экономики СССР от ранее существовавших моделей данного типа – это опора на коммунистическую идеологию, которая была первой грандиозной нерелигиозной (светской) идеологией. Данная идеология была предельно рациональной, так как стремилась опираться на науку, применять достижения науки и пропагандировать их широким слоям населения, сама претендуя при этом на статус научности. Относительно последнего можно согласиться с У. Кэрроллом, что, несмотря на ее атеистическую направленность, она носила не столько научный, сколько религиозный характер [7]. Коммунистическая идеология в СССР по существу была узаконена как обязательная для всех граждан страны и имела единый и централизованный идеологический механизм. Следует отметить особую ее значимость в регуляции деятельности руководящих (управляющих) органов страны. Она содержала целый ряд ценностных ориентиров для их ответственного поведения. В годы становления советской власти, идеология имела строго нормативный характер, определяя руководителям страны не только общие цели, но и конкретные обязанности в управлении социумом.

С идеологических позиций мобилизационная экономика СССР соответствует холистическим взглядам и по своей природе предполагает значительное перераспределение национального дохода в соответствии с принципом эгалитаризма. Согласно данному принципу, в нашей стране распределение продуктов и средств производства производилось государством в соответствии с трудовыми затратами. Значение остальных факторов производства в системе распределения практически отрицалось. Государство определяло на основе принятого Госплана что, как и для кого производить, стоимость товара, оплату труда. В этой связи относительно распределительной системы СССР по эгалитарному принципу, можно сказать, что «ее центральными проблемами являются: «уравниловка» в оплате труда, в результате которых у работника отсутствовала мотивация к труду, его предприимчивость; ограничение товарно-денежных отношений и попытка их замены на механизм централизованного определения потребностей государственными органами статистики приводило к тому, что производство не получало объективной информации о потребностях от потребителей через систему распределения».

Все это приводит к структурным диспропорциям в народном хозяйстве СССР, тем самым сделав его экономически неустойчивым и мало восприимчивым к инновациям. В результате в 70-80-х гг. XX в. СССР стал значительно уступать в социально-экономическом развитии западным странам. Кроме того, в этот период коммунистическая идеология сильно отрывается от реальной действительности и уже не отвечает тем социально-экономическим и политическим вызовам, которые стоят перед страной. В результате к 90-м гг. XX в. наблюдался явный политический кризис, который в большей степени, чем экономический кризис, привел к распаду СССР на несколько постсоветских государств, которые взяли курс на построение либеральной модели гомеостазиса национальной экономики.

Крушение СССР сразу стало истолковываться в авторитетных научных и общественных кругах как доказательство преимуществ либеральной модели гомеостазиса национальной экономики, бесперспективности развития в рамках этатической модели.

Вместе с тем, данные суждения не прошли проверку временем и показали свою ошибочность. С одной стороны, значительный рывок в социально-экономическом развитии некоторых развивающихся стран Азии, прежде всего, Китая, высокие темпы роста их национальной экономики отвергли претензии на монополию либеральной модели гомеостазиса национальной экономики. С другой стороны, современный экономический кризис представляет собой не что иное, как кризис либеральной модели гомеостазиса [8].

Неслучайно, многие ученые и эксперты отмечают, что логика и смысл истории разворачиваются в сторону необходимости проведения коренной перестройки либеральной модели гомеостазиса национальной экономики, связанной с господством общественного интереса в экономической и социальной сферах, сглаживанием социального неравенства, реальной демократизацией общественных систем. В противном случае, возрастают реальные угрозы национальной безопасности стран с либеральной моделью гомеостазиса национальной экономики.

Однако, гомеостазис национальной экономики определяется не только системой политико-экономических отношений, но и структурой общества.

Изначально развитие общества было связано с «пирамидальной» стратификацией общества, в которой большинство населения занимает низшие ранги, а на среднем слое сравнительно немного

людей. В результате, нахождение основной части населения в низшем слое генерирует состояния крайнего социального напряжения, которые чреваты социальными взрывами вплоть до революций и гражданских войн. На сегодняшний момент данная модель характерна для слабо развитых или значительно отстающих в развитии стран индустриального Севера и отражает всплеск обнищания масс, создающий ситуацию постоянной угрозы национальной безопасности данных стран.

За последние примерно сто лет общество развитых западных стран проделало эволюцию от преимущественно пирамидального типа стратификации к преимущественно ромбовидному типу. Ромбовидная структура характерна и для динамично развивающихся стран, так как она формируется в процессе вступления общества в высшую фазу индустриализма и сопровождается переходом к пропорционально большему сосредоточению населения в среднем слое, а верхние и низшие ранги занимают меньшинство. Положение среднего слоя отражает совпадение статуса людей, имеющих среднестатистическую разницу в доходах с высшим классом 1:4, обладающих конкретной собственностью. Соответственно, нахождение большинства граждан в положении среднеобеспеченного слоя («средний класс») снимает социальное напряжение. Следовательно, именно только при ромбовидной стратификации общества можно обеспечить высокий уровень экономической безопасности личности.

Вместе с тем, характер социально-экономической системы государства зависит также и от механизма социальной мобильности, который бывает двух видов: централизованный и рыночный. Рыночный механизм социальной мобильности предполагает, что материальная обеспеченность личности является прямым следствием экономической активности и позиции на статусной лестнице, достигнутой вследствие определенного уровня образования и квалификации. При этом переход из одной страты в другую зависит от уровня развития личности и предопределяется функционированием рыночных институтов, их эффективностью. Централизованный механизм социальной мобильности предполагает, что материальная обеспеченность личности связана с осуществлением властных полномочий в соответствии со статусной лестницей по уровню образования и квалификации. При этом переход из одной страты в другую предопределяется особенностями функционирования политических институтов, их эффективностью.

Итак, какова же модель экономической безопасности личности в постсоветской России?

На сегодняшний момент идентифицировать сложившуюся модель гомеостазиса национальной экономики по типу невозможно, так как по своей сути она не относится ни к одному из двух типов (этатический и либеральный), в связи с чем ее можно обозначить как охлократическую (квази-либеральную).

Предполагалось, что рыночные преобразования и освобождение от оков коммунистической идеологии обеспечат соответствующий взлет экономики, политики и свободной культуры, тем самым способствуя переходу к более «эффективной» либеральной модели гомеостазиса национальной экономики. Однако эти меры имели обратный (негативный) эффект. Деидеологизация в постсоветский период российского общества обуславливает развитие процессов, приведших к стагнации и даже разложению духовной, политической, экономической сфер общества. При этом особенность социальной направленности ценностной системы современной России состоит в противоречивом объединении традиционной эгалитарной и сформированной в процессе рыночных преобразований индивидуалистской наполненности ценностных ориентаций социальных отношений. Подобная амбивалентность, противоречивое единство предопределяет неоднозначность результатов рыночных преобразований. Из-за отсутствия единой цели и идеологии в переходной модели гомеостазиса национальной экономики постсоветской России происходит разбалансировка механизма управления страной. Переход к демократической форме управления не увенчался успехом и по своей сути далек от демократии в либеральной модели гомеостазиса национальной экономики развитых западных стран. Ключевыми чертами демократии в современной России являются крайне централизованная власть и демократический способ ее назначения. Одно противоречит другому. Демократия современной России характеризуется амбивалентным объединением на уровне идеологических институтов, принятых ранее в обществе и сформированных в процессе реформ институтов индивидуализма и социального порядка. Все это предопределяет неэффективность политической власти, которая обуславливает социально-экономическую нестабильность в стране.

Данный факт достаточно емко отражен в статье Л. Н. Кибардиной. Так, она отмечает: «Откровенно криминальный механизм захвата и накопления первоначального капитала в сочетании с ад-

министративной «конвертацией» власти в собственность предопределили неравенство базовых возможностей граждан при интеграции в рыночные процессы. Административно-юридическая несправедливость привела к экономической неэффективности «новых собственников» и обусловила затяжной характер кризисных процессов. Поэтому, несмотря на все положительные стороны, трансформация России отмечена вектором десоциализации, дегуманизации и деэкологизации экономических и социальных отношений» [9].

Стремительный рост в 90-е гг. социально-экономического неравенства не только не способствовал повышению эффективности национального хозяйства с переходом к рыночной экономике и устойчивому экономическому росту, а скорее, наоборот, усугубил и развил структурные диспропорции в национальной системе хозяйствования, вызвал беспрецедентный спад в экономике и деградацию социальной сферы. В данном случае гипотеза Кузнеця явно не действовала, так как взаимосвязи социально-экономических отношений в национальном хозяйстве оказались гораздо сложнее и разнообразней, чем это предполагает его модель развития.

Между тем, с 1999 г., согласно данным официальной статистике, начался устойчивый экономический рост. В 2007 г. Россия достигла объема ВВП уровня докризисного 1989 г. За период 1999-2008 гг. ВВП вырос почти на 70 %, объем промышленной продукции – на 60 %, а сельскохозяйственной – увеличился на 48,7 %. Вместе с тем, социально-экономическое неравенство не только не сокращалось, а продолжало стремительно расти. В период кризиса 2008 г. по настоящее время рост неравенства стабилизировался и даже немного сократился, однако остался крайне высоким. Однако сам тренд усиления социально-экономического неравенства явно не зависит от динамики экономических показателей (ВВП, роста промышленного и сельскохозяйственного производства и др.). На основе сопоставления динамики основных экономических показателей с динамикой степени социального расслоения российского общества, можно сказать, что между данными показателями отсутствует четкая взаимосвязь и одинаковая направленность тенденций (табл. 1).

За период 1992-2013 гг. значение коэффициента фондов выросло более чем в два раза. Если в 1992 г. доходы наиболее обеспеченного населения превышали доходы наименее обеспеченного в 8 раз, то к 2013 г. – уже в 16,2 раз. Значительный рост показал и коэффициент Джинни. Так, если в 1992 г. его ве-

личина составила 0,289, то в 2013 г. – уже 0,418. По данным показателям, можно сказать, что уровень социального неравенства в России является избыточным в сравнении с развитыми европейскими странами. Ведь согласно принятой в мировой практике оценки коэффициента фондов, если соотношение доходов наиболее и наименее обеспеченных групп населения превышает 10 : 1, то страна

находится в зоне социальной нестабильности. Для европейских стран граница между нормальным и избыточным неравенством пролегает между значениями коэффициента Джини от 0,2 до 0,3, а децильного коэффициента – от 7 до 10. В России отмечается самое высокое неравенство доходов (по коэффициенту Джини) из стран бывшего посткоммунистического пространства Восточной Европы.

Таблица 1

Динамика индексов социально-экономических показателей и дифференциации денежных доходов населения

Годы	ВВП	Промышленное производство	Продукция сельского хозяйства	Коэффициент фондов, в раз	Коэффициент Джини
1992	85,5	84,0	90,6	8,0	0,289
1995	95,9	95,4	92,0	13,5	0,397
2000	110,0	108,7	107,7	13,9	0,395
2001	105,1	104,9	107,5	14,1	0,397
2002	104,7	103,1	101,5	14,1	0,397
2003	107,3	108,9	101,3	14,3	0,403
2004	107,2	108,0	103,0	15,2	0,409
2005	106,4	105,1	102,3	15,2	0,409
2006	107,7	106,3	103,6	16,0	0,415
2007	108,1	106,3	102,4	16,8	0,422
2008	105,2	100,6	110,8	16,6	0,424
2009	92,2	89,3	101,4	16,6	0,421
2010	104,5	107,3	88,7	16,6	0,421
2011	104,3	105,0	123,0	16,2	0,417
2012	103,4	103,4	95,2	16,4	0,4
2013	101,3	100,4	106,2	16,2	0,418

Конечно, такой рост экономического неравенства не мог не отразиться на структуре российского общества. Так, если в 1990 г., по расчетам отечественных экономистов, в СССР практически не было наиболее нуждающегося населения, хотя низкообеспеченные домохозяйства составляли, примерно 30 % населения, а большая часть населения, примерно 60 %, принадлежала к среднему классу. Данная структура, безусловно, является ромбовидного типа и соответствует стратификации развитых западных стран (60-80 % населения, относящихся к среднему классу). В результате капиталистических реформ 1992-2013 гг. произошла трансформация ромбовидной структуры в пирамидальную (табл. 2).

Таким образом, сформировавшаяся к концу 1990-х гг. современная экономическая стратификация имеет широкое нижнее основание, к которому примыкает тонкий конус обеспеченных слоев населения.

Неэффективность и недостаточность рыночных и политических институтов, суженное воспроизводство человеческого капитала в современной России обуславливают низкую социаль-

ную мобильность, что выражается в ограничении сфер, где она в принципе может быть реализована.

Все это отражает весьма ограниченные сегодняшние экономические возможности основной массы населения. Величина относительно состоятельных слоев демонстрирует объективные пределы планов реформирования общества и экономики за счет населения.

Таким образом, социально-экономические преобразования этатической модели национальной экономики России обусловили возникновение новых форм социального неравенства, что во многом изменило структуру и динамику жизнедеятельности людей, как на национальном, так и на личностном уровне [10].

Безусловно, что охлократическая модель гомеостазиса национальной экономики в современной России отражает весьма ограниченные сегодняшние экономические возможности основной массы населения, что указывает на крайне низкий уровень экономической безопасности личности большей части населения.

Таблица 2

Модели социально-экономических отношений современности

Модель гомеостазиса	Политика доходов	Функциональное разделение труда	Характер и структура собственности	Модель социальной мобильности	Стратификационная структура общества	Диалектика экономической безопасности государства и личности	Основные тенденции
Либеральная	Перераспределение доходов на принципах утилитаризма (децильный коэффициент – от 7 до 10), «бедность» как профессия	Господствующее положение финансовой элиты	Государственно-корпоративная собственность	Рыночная (среднестатистический американец за свою жизнь меняет до восьми специальностей и несколько раз – место жительства)	Ромбовидная (экономика двух третей)	Собственность - безусловная составляющая экономической безопасности личности	Сворачивание социальных программ, «диффузия» среднего класса (с 1971 по 2011 гг. доля среднего класса в США упала с 71 до 51 %), разрушение социального консенсуса
Этатическая (плановая)	Социальные гарантии для каждого на принципах эгалитаризма, низкая склонность к сбережениям, общественные фонды , уверенность в будущем	Партийно-хозяйственная номенклатура	Государственная собственность	Централизованная (наличие приоритетных секторов (ВПК и ТНК) и регионов (Восток) обеспечивали вертикальную и горизонтальную мобильность общества)	Ромбовидная (низкообеспеченные домохозяйства – 30 % населения, ок. 60 % средний класс (1990 г.))	Социальный консенсус, готовность к аскетизму в интересах общества, необходимый для обеспечения экономической безопасности государства (межпоколенные трансферты и высокая норма накопления) в условиях внешних угроз «холодной войны»	
Охлократическая (квазилиберальная)	Рост имущественной дифференциации населения (в 1992 г. децильный коэффициент – 8, 2013 г. – 16) и «теневых» доходов; «сжатие» системы социальных гарантий	Узость социальной базы либерализма в лице малого бизнеса. Бюрократизация экономики	Квазичастная собственность, образование властных кластеров, сдерживающих конкуренцию	Квазирыночная. Каналы социальной мобильности: семья (клановые связи) и политические организации (патрон-клиентские отношения)	Пирамидальная (10:10:80)	Социальный антагонизм. Экономическая безопасность государства противоречит интересам компрадорской элиты; преобладание в обществе ценностей индивидуализма, растущий разрыв между социальными ожиданиями и экономическими возможностями	Трансформация олигархического капитализма в систему социально-ориентированного государственного капитализма
Державная (системный выбор)	Сокращение имущественной дифференциации	Повышение роли креативного класса, малого бизнеса	Государственно-корпоративная собственность	Планово-нормативная Каналы социальной мобильности: образование (качественный человеческий капитал как обязательное условие продвижения по социальной иерархии) и экономические организации (малый бизнес)	Ромбовидная	Новый социальный консенсус на базе державных ценностей (державность, соборность, духовность, справедливость)	

Источник: URL: http://statistika.ru/uroven/2007/11/16/uroven_9307.html;
 URL: <http://hrzavedka.ru/blog/pyat-let-spustya-statya-vtoraya-nesbycha-mecht.html>

Литература

- Щекотихин В. Н. Этатизм и его роль в укреплении современной государственности: зарубежный опыт и российские тенденции // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2008. № 1 (13). С. 115.
- Розмаинский И. В. Посткейнсианство + традиционный институционализм = целостная реалистичная экономическая теория XXI века // Экономический

вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 3. С. 28-35.

- Александрова Н. А. Идеократия как принцип социальной ответственности // ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ. 2007. Т. 6.

- Томас Джефферсон о демократии: сборник / сост., подготовка оригинала, вступит. ст. С. К. Падовер; послесл., коммент. В. Н. Плешкова; пер. с англ. М. Д. Маркина. СПб.: Рес Гумана: Лениздат, 1992. С. 33.

5. Холопов В. А. Эволюция научной мысли о непосредственной демократии // Российский академический журнал. 2011. Т. 18. № 4. С. 32-34.

6. Шумпетер Йозеф А. История экономического анализа: в 3-х т. / пер. с англ. под ред. В. С. Автономова. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 1. С. 166-167.

7. Кэрролл У. Основные проблемы капитализма, существовавшие еще в XIX веке, по-прежнему актуальны в веке XXI // Экономическая социология. Т. 14. № 5. нояб. 2013. С. 12-21. URL: <http://ecsoc.hse.ru>

8. Добрынин А. И., Журавлева Г. П. Мировой экономический кризис и трансформация рыночной модели хозяйства // Известия ИГЭА. 2010. № 6 (74). С. 7.

9. Кибардина Л. Н. Факторы формирования социального государства в России // Омский научный вестник. 2010. № 2 (86). С. 111-115.

10. Дыльнова Т. В. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России // Вестник РУДН. 2005. № 6-7. С. 161-168.

References

1. Shchekotikhin V. N. Etatism i ego rol' v ukreplenii sovremennoj gosudarstvennosti: zarubezhnyj opyt i rossijskiye tendentsii // Vestnik VolGU. Seriya 4. 2008. №1 (13). S. 115.

2. Rozmainskij I. V. Postkejsniansstvo + traditsionnyj institutsionalizm = tselostnaya realistichnaya ekonomicheskaya teoriya XXI veka // Ekonomicheskij vestnik

Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2003. Т. 1. № 3. S. 28-35.

3. Aleksandrova N. A. Ideokratiya kak printsip sotsial'noj otvetstvennosti // INTEREKSP0 GEO-SIBIR'. 2007. Tom 6.

4. Tomas Dzhefferson o demokratii: sbornik: pervod / Sost., podgotovka originala, vstupit. st. S. K. Padover; poslesl., komment. V. N. Pleshkova; per. s angl. M. D. Markina. SPb.: Res Gumana: Lenizdat, 1992. S. 33.

5. Kholopov V. A. Evolyutsiya nauchnoj mysli o neposredstvennoj demokratii // Rossijskij akademicheskij zhurnal. 2011. tom 18. № 4. S. 32-34.

6. Shumpeter Jozef A. Istoriya ekonomicheskogo analiza: v 3-kh t. / per. s angl. pod red. V. S. Avtonomova. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2004. T 1. S. 166-167.

7. Kerroll U. Osnovnye problemy kapitalizma, sushchestvovavshie eshcho v XIX veke, po-prezhnemu aktual'ny v veke XXI // Ekonomicheskaya sotsiologiya. T. 14. № 5. Noyabr' 2013. S. 12-21. URL: <http://ecsoc.hse.ru>

8. Dobrynin A. I., Zhuravleva G. P. Mirovoj ekonomicheskij krizis i transformatsiya rynochnoj modeli khozyajstva // Izvestiya IGEA. 2010. № 6 (74). S. 7.

9. Kibardina L. N. Faktory formirovaniya sotsial'nogo gosudarstva v Rossii // Omskij nauchnyj vestnik. 2010. № 2 (86). S. 111-115.

10. Dyl'nova T. V. Sotsial'naya spravedlivost' i sotsial'noye neravenstvo v usloviyakh sovremennoj Rossii // Vestnik RUDN. 2005. № 6-7. S. 161-168.

* * *

SOVEREIGN MODEL OF THE SOCIAL AND ECONOMIC RELATIONS (COMPARATIVE ANALYSIS)

KOTELNIKOVA MARIYA ALEKSANDROVNA

Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
Tambov, the Russian Federation, e-mail: vipsbertmb@mail.ru

KOLMAKOV ALEKSEY NIKOLAYEVICH

Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
Tambov, the Russian Federation, e-mail: post@g31.tambov.gov.ru

The present article authors devoted to search of the theoretical bases of model of social and economic system conforming to requirements of the present stage of modernization of Russia. As a result of research authors identified the model of economic security of the personality in modern Russia. On substantial characteristics it can be as the quasiliberal or okhlocratistic model which is characterized by pyramidal structure of society, a quasimarket mechanism of social mobility, and also antagonism signs between the vital interests of the state and the personality which realization defines subjectivity of everyone. Authors identified his model on the basis of the comparative analysis with use of the following taxonomical signs: 1) the political and economic determinants of subjectivity of the personality (etatism – liberalism) determined by character of the political and imperious relations in state–society–personality system; and 2) the social determinants of subjectivity of the personality (property, functional division of labor, income, social mobility) causing stratification structure of society (pyramidal–diamond–shaped).

Authors established that the modern economic stratification created by the end of the 1990s years has the wide lower basis which the thin cone of the well-to-do of the population adjoins. The inefficiency and insufficiency of market and political institutes, the narrowed reproduction of the human capital in modern Russia cause low social mobility that is expressed in restriction of spheres where it in principle can be realized. All this, on the one hand, reflects very limited today's economic opportunities of bulk of the population. The size of rather well-

founded layers shows objective limits of plans of reforming of society and economy at the expense of the population.

Thus, identification of model allows to define the direction of a system choice of the Russian society connected with ensuring the integrated public need for safety.

Key words: comparative analysis, social and economic system, quasiliberal model, great power statehood.